

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ПАТРОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Берберов Бурхан Абуясуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

В статье исследуется информативный потенциал карачаево-балкарских преданий о фамилиях, способных пролить свет на малоизвестные страницы региональной и мировой истории. Судя по текстам, фамилии являются разностадиальными по своему происхождению и уходят своими корнями к разным историческим эпохам. В фамильных преданиях нашли отражение события и факторы, связанные с миграцией населения, религиозными верованиями, аталычеством, профессионально-трудовыми предпочтениями горцев, а также их мировоззренческими особенностями. В особую группу выделены предания об акцидентальных фамилиях, зафиксировавших определенное происшествие. Статья написана с опорой на труды северокавказских историков, фольклористов, а также личный архив по исследуемой проблеме.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, фамильное предание, информативный потенциал, этимология, история, география, религия, этнокультура.

Литературовед Н.А. Шогенцукова в одной из своих работ пишет: «Познание – одна из высших целей и отдельного человека, и всего человечества. В системе познания выделяются проблемы, которые являются основополагающими. Их решал и решает род человеческий на протяжении тысячелетий: в чем смысл и предназначение существования индивида и многих поколений; кто мы, откуда и куда идем?» [Шогенцукова 1995: 3]. Отчасти поиском ответов на эти сложные вопросы занимается национальная фольклористика, в особенности, тот ее раздел, который аккумулирует и интерпретирует исторические предания о происхождении различных фамилий. Каждая фамилия – это микроистория народа. Невозможно до конца понять ход региональной и мировой истории без учета информации, содержащейся в фамилиях.

В этической культуре северокавказских народов всегда на когнитивном уровне был повышенный интерес к собственной родоплеменной истории. Правила общежития предписывали каждому здравомыслящему человеку, независимо от пола, обязательное знание своей родословной до седьмого колена. Из поколения в поколение передавались истории об «отцах-основателях» фамильного древа, его ответвлениях, степени родства с другими родами. Таким образом, в системе карачаево-балкарского фольклора сложился целый массив фамильных преданий, который требует логически обоснованной классификации и научного осмысления.

Вопросы, связанные с происхождением карачаевских и балкарских фамилий, нашли прямое или косвенное отражение в трудах М.К. Абаева «Балкария. Исторический очерк», Е.П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа», И.И. Алиева и З.И. Алиевой «Карачаево-балкарские имена и фамилии. Толковый словарь», М.И. Баразбиева «Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века», М.Дж. Каракетова

«От вооруженных столкновений до брачных связей: из жизни северокавказских элит в XVII–XIX вв.», К.Т. Лайпанова «Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами», Х.Х. Малкондуева «Родовые легенды и предания балкарцев Чегемского ущелья. Локальный аспект (Кулиевы, Согаевы, Хахуевы)», А.И. Мусукаева «О Балкарии и балкарцах», Х.Л. Османова «На дорогах века» и др.

В данной статье мы свою основную задачу видим в обобщении накопленного опыта по изучению фамильных преданий, а также выявлении закономерностей историко-этнографического характера, нашедших отражение в исследуемых фольклорных текстах.

Согласно С.И. Ожегову, «фамилия – это наследуемое семейное наименование, прибавляемое к личному имени» [Ожегов 1990: 846]. В каждом национальном языке имеются специализированные серверные суффиксы, обозначающие принадлежность данной личности к определенному роду. В карачаево-балкарском языке такое интегрирующее действие производится с помощью суффикса – *лары*. К примеру, Айбазлары (Айбазовы), Таукенлары (Таукеновы).

Согласно статистическим данным, количество карачаево-балкарских фамилий насчитывает более семисот единиц [Къарачай-малкъар тукъумла... 1989: 791–804]. Отдельный список балкарских фамилий составлен Х.Л. Османовым в его исследовательской работе «История рода – история народа» [Османов 2008: 173–176]. За редким исключением они все прозрачны с этимологической точки зрения и в основном восходят к тюркским, персидскому, арабскому, осетинскому и другим языкам. Появление Интернета и новых информационных технологий позволило их каталогизировать. В качестве примера можно привести компьютерные программы «GenoPro», «RootsMagic», «TreeDraw», помогающие семейным историкам в создании и печати родословных. Еще одним научным подспорьем для удовлетворения интересов к своим этническим и родовым корням стало развитие сферы услуг по анализу информации, содержащейся в Y-хромосоме и митохондриальной ДНК («FamilyTreeDNA» и другие). Все эти факты говорят о естественном тяготении современного человека к самоидентификации на онтологическом, этническом, фамильном уровнях, что приобретает особую актуальность в период глобализационных процессов.

Проведенный нами диахроническо-синхронический анализ показывает, что в карачаево-балкарских фамильных преданиях нашла отражение весьма ценная в научном отношении информация, связанная с миграционными путями населения, религиозными верованиями, профессионально-трудовыми занятиями горцев, характерными особенностями в наружном или психологическом облике родоначальника фамилии и т.д.

Большую изыскательскую работу в этом направлении провел Х. Османов, который со слов информаторов записал фамильные предания про Урусбиевых, Шакмановых, Мурачаевых, Байдаевых, Кучмезовых, Рахаевых, Карабугаевых, Карабашевых и Биевых и опубликовал их в книге «На дорогах века» [Османов 2004]. Подчеркивая информативную ценность записанных текстов, автор пишет: «После общения со сказителями у меня появилось чувство, что я побывал в мире наших предков» [Османов 2004: 5].

По словам многих историков, с особым вниманием к вопросам генеалогии относились представители аристократических фамилий, которые в наибольшей степени испытали на себе репрессивную силу Советской власти после революции 1917 года. Как отмечает Гюльжан Абаева (урожденная Урусбиева – Б.Б.), «наши дедушки-бабушки, обеспокоенные тем, что новая власть с корнями хочет уничтожить наш род, собирали вокруг себя нас, своих осиротевших внуков, и старательно рассказывали нам про эволюционную историю нашего рода, про выдающихся представителей нашей фамилии» [Османов 2004: 5].

Как гласит предание, род Урусбиевых берет свое начало с потомков Чингисхана, с Золотой орды. С многочисленными деталями в предании рассказывается

об атаулах, о миграционных путях представителей урусбиевского рода, междоусобицах, человеческих потерях во время эпидемии чумы, взаимоотношениях с династией Романовых, кросс-культурных пересечениях со славянским миром. В сознании каждого интеллигента Кавказа фамилия «Урусбиевы» ассоциируется с Просвещением, культом разума, прогрессивными идеями. Как дополнительное подтверждение этому тезису, в предании приводятся интересные факты о том, как Махай Урусбиев, подобно Петру Первому, прорубил «окно» в Европу и привозил в Баксанское ущелье для разведения новые породы коров, собак, кошек, кур, а также многочисленные виды сельскохозяйственных культур [Османов 2004: 14].

Не меньшим новатором был и его младший брат Хамзат, который в сел. Жанхотия основал известный в округе завод по изготовлению сыра по голландской рецептуре [Османов 2004: 15]. Интересную выдержку об этом факте можно встретить в статье «Пребывание на Кавказе в 1888 г. Их Императорских Величеств», где говорится, что наряду с другими дарами «были поднесены Высочайшим Особам – местные произведения: сыр эльбрусский, завода Урусбиевых» [Мамхегов 2019: 8]. Важное место в культурной истории занимают Сафар-Али и Науруз Урусбиевы, которые одними из первых просветителей на Северном Кавказе начали собирать и издавать фольклорные материалы в столичных журналах и сборниках.

Грузины (сваны) и балкарцы всегда поддерживали тесные культурные контакты, нередко были и межнациональные браки. В фамильных преданиях можно встретить интересные сюжеты о мирном сосуществовании различных религиозных культур в рамках единой семьи, а также о преданности людей своей исконной вере. Одна из таких романтических историй приводится в предании, посвященном Жаннетхан Дадашкелиани. В свое время через горный перевал из Сванетии ее привез себе в жены Адыльгерий Урусбиев. Иноземка пользовалась громадным уважением в среде балкарцев, от этого интернационального брака родилось пятеро красивых детей – один сын и четверо дочерей. Жаннетхан соблюдала все предписания исламской религии, однако в душе оставалась преданной учению Христа. Об этом стало известно, когда скончалась Жаннетхан, прожившая долгую и счастливую жизнь: при ритуальном омовении тела, в прическе «прекрасной грузинки» был обнаружен крохотный золотой крестик [Османов 2004: 23].

История знает немало случаев, когда в линейной патронимической цепочке одно из личных имен преобразуется в фамилию. Сказанное имеет прямое отношение и к Урусбиевым. Как пишет балкарский просветитель XIX века Мисост Абаев, «отказавшись носить древнюю свою фамилию, Суншев объявил себя Урусбиевым, по имени своего отца» [Абаев 1992: 10]. И далее, раскрывая историю образования сел. Урусбиево, историк отмечает, что «этот энергичный пионер переселился выше, в глубь теснины, на лесную поляну, у подошвы ледников Эльбруса, и стал увеличивать население свое, принимая к себе в качестве холопов, узденей и эмчеков разных пришельцев и отводя им места для поселения по своему усмотрению» [Абаев 1992: 10].

Что же касается этимологии карачаево-балкарских фамилий Урусовы, Урусбиевы, то они в своей корневой основе содержат слово «урус», обозначающее «русский». Думается при любом раскладе в появлении таких фамилий (или имен) с русским компонентом сыграла роль интенсификация культурных контактов со славянским миром.

Явления интерференции привели к тому, что в среде балкарцев и карачаевцев можно обнаружить выходцев с этномаркированными фамилиями практически из всех сопредельных республик и регионов. Приведем один типичный пример со ссылкой на М.И. Баразбиева: «Как свидетельствуют карачаевские генеалогические предания, родоначальником Айбазовых являлся некий армянин Айбаз (Айваз. – М.Б.), прибывший в Карачай по торговым делам. Через некоторое время Айбаз женился на кабардинке из рода Букаевых и остался в Карачае на постоянное жительство. Говоря о времени переселения Айбаза в Карачай, можно отметить,

что к 70-м годам XIX столетия его потомков отделяло от этих событий шесть поколений. В генеалогии принято считать, что средняя разница между поколением родителей и детей – от 20 до 35 лет. Таким образом, получается, что Айбаз мог появиться в Карачае приблизительно во второй половине – конце XVII в.» [Баразбиев 2000: 78].

Дополнительные сведения можно почерпнуть из монографии К.Т. Лайпанова, где отмечается: «Карачаевцы и балкарцы охотно принимали у себя и роднились также с представителями других народов, в частности, армянского. К примеру, карачаевские Айбазовы – выходцы из крымских армян, из рода знаменитого художника Ивана Айвазовского (1817–1900 гг.), с которым Айбазовы поддерживали связь в XIX в.» [Лайпанов 2000: 39].

Этнокультурные связи между Балкарией и Абхазией отпечатались в генеалогическом предании Апусуаевых, с середины XIX века проживающих в Баксанском ущелье. Согласно сохранившимся преданиям, в окрестностях Очамчиры проживал абхазский дворянин Омар Маргания. Один из его сыновей по имени Огурлу из-за территориально-земельных коллизий с родственниками перебрался через перевал в Баксанское ущелье. Здесь он попал под покровительственную защиту князей Урусбиевых, которые даровали ему земельный надел, помогли в строительстве дома и обзаведении домашним хозяйством. Здесь же он женился на балкарке из рода Хаджиевых, был счастлив в браке. Как это нередко бывает, этноним «апсуа» постепенно стал его подлинным именем. Так в Балкарии укоренилась южнокавказская фамилия Апусуаевых, ядро которой образует слово «апсуа», что в переводе означает «абхазец».

По свидетельству историков, потомки абхазского первопоселенца в Баксанском ущелье длительное время «продолжали поддерживать взаимоотношения со своими родственниками в Абхазии», а одного из потомков «отдали даже в детстве на воспитание абхамам, где он изучил абхазский и арабский языки и научился в совершенстве читать Коран» [Баразбиев 2000: 79]. Насколько нас информировал житель пос. Эльбрус Салих Константинович Апусуаев (р. 1988 г.), «в настоящее время представители рода Апусуаевых, проживающие на территории КЧР и КБР, поддерживают связи со своими абхазскими родственниками по фамилии Маргания, навещают друг друга по поводу свадебных торжеств или соборезнований» [Личный архив – Б.Б.].

Фамильным преданием о своих ингушских корнях делится на страницах газеты «Горянка» Абдуллах Анаев: «Я родился в 1928 году в Шики, до переселения в этом селе проживали двадцать пять семей Анаевых. А сейчас мы разбросаны в четырнадцати населенных пунктах. Говорят, что мы ингуши Мокушевы, во время одного конфликта весь род перебили, спаслась только одна молодая беременная женщина, она прибыла в Шики и родила сына, которому дали фамилию Анаев, от балкарского слова «ана», что в переводе означает «мать». Сложно сказать, насколько правдива легенда, для меня Шики и наше ущелье – родной дом» [Байсиева 2019: 11].

Можно сказать, что совершенно особую группу составляют так называемые этнонимические фамилии, смысловое содержание которых указывает на определенную народность. К таким фамилиям относятся Чеченовы (Чечня), Кабардоковы (Кабарда), Французовы (Франция), Эбзеевы (Сванетия), Мисировы (Египет), Абазовы (абазинское происхождение), Абазалиевы (абазинское), Ногаевы (ногайское), Ногайлиевы (ногайское), Турклиевы (турецкое), Кумуковы (кумыкское), Карчаевы (по имени вождя карачаевского народа). Своеобразной «паспортной» характеристикой каждой из названных фамилий является предание с типологически сходными сюжетами на тему романтической любви, аталычества, вынужденного переселения из-за опасности кровной мести, земельных тяжб с родственниками и т.д. Кавказская микроэтнонимика стала определяющим фактором в

происхождении таких фамилий, как Холамлиевы (Холам), Чегембаевы (Чегем), Чегемлиевы (Чегем), Тебердиевы (Теберда).

Вместе с тем зафиксированы и случаи имянаречения переселенца местными жителями за какие-то его особенные, чаще всего, положительные качества. Именно такая форма номинации Малкондуевых упоминается в предании, которая приводится в монографии М.И. Баразбиева. По словам ученого «один из членов богатой сванской фамилии, спасая своих малолетних сыновей от кровной мести, привез их для временного убежища в семье жителей Чегемского ущелья из селения Булунгу – Ахматовых и Эттеевых. Так как для родственников детей кровная месть, по всей видимости, закончилась трагически, их не забрали назад, и они выросли в Булунгу. По достижении определенного возраста их женили на местных девушках, выделили землю, скот и построили дом.

Вскоре юноши, оказавшиеся трудолюбивыми и хозяйственными людьми, разбогатели, и их стали называть Малкъоннган, то есть Малкондуевыми, что означает «прибавилось стадо» или много скота. Именно это прозвище и стало причиной того, что за ними закрепилась фамилия Малкондуевых» [Баразбиев 2000: 89].

Историк К.Т. Лайпанов отмечает, что «абсолютное большинство старинных карачаево-балкарских фамилий является тюркскими» [Лайпанов 2000: 36], и они, как правило, имеют прозрачную этимологию. В количественном отношении наибольший удельный вес среди них занимают зоонимические фамилии. Такая особенность, скорее всего, связана с животноводческой специализацией как тюрков, так и северокавказских горцев. Приведем некоторые из них: Жылкъыбайлары (от слов «жылкъы» – табун + «бай» богатый), Къойчулары («къойчу» – «чабан»), Тулпарлары («тулпар» – «богатырский конь»), Джылкъылары («джылкъы» – «табун»), Къочхарлары («къочхар» – «баран»), Кийиклары («кийик» – «серна»), Хуболлары («хубол» – «медвежонок»), Иттилары («ит» – «собака»), Парийлары («парий» – «волкодав»), Текелары («теке» – «козел»), Эчкилары («эчки» – «коза»), Кючюклары («кючюк» – «щенок»), Киштиклары («киштик» – «кошка»), Чыпчыкълары («чыпчыкъ» – «птица»), Арсланлары («арслан» – «лев»), Токълулары («токълу» – «ярка»), Улаклары («улакъ» – «козленок»). Фамилии с вегетативным семантическим компонентом встречаются значительно реже.

Принятие ислама северокавказскими народами внесло свои коррективы в общую культурную картину горцев, в том числе, в антропонимическую. В большом количестве появились новые мужские и женские имена (Мухаммат, Ислам, Али, Муса, Умар, Курман, Юсуф, Зулейха, Фатимат, Халимат, Аминат и др.), а также фамилии, связанные с исламской верой (Аллахбердиевы, Курмановы, Исламовы, Моллаевы, Хаджиевы, Эфендиевы). К доисламским фамилиям, сохранившим связи с тенгрианством, несомненно, относится фамилия Тейрикуловы, перевод которого определяется культурологемой «раб божий».

По рассказам литературоведа Светланы Умаровны Алиевой, их первопродок (Али Алиев) был родом из Дагестана и еще в самом начале 18 века получил богословское образование в Каирском университете «Аль-Асхар» и отправился в Карачай в качестве просветителя-миссионера. Наш информатор, согласно древним традициям, с легкостью восстанавливает в памяти всю свою родословную цепочку до седьмого колена: «Светлана – Умар – Баблаш – Магомед – Крым-Герий – Умар – Исмаил – Алий». Дагестанский «след» фамилии Алиевых подтверждает и Валентина Алиева (КЧР), которая в беседе с нами отмечает, что «в период прихода исламской веры на землю Карачая, здесь появилось много алимов (ученых – Б.Б.), в том числе, наш далекий предок, родом из Дагестана».

Особую группу в общем карачаево-балкарском антропонимиконе составляют так называемые «акцидентальные» фамилии, причиной возникновения которых стал некий примечательный случай историко-бытового характера. Ярким примером карачаево-балкарской акцидентальной фамилии является фамилия «Таппасхановы», что в переводе означает «удачно, ловко, осмотрительно наступивший».

Карачаевские фольклористы И.И. Алиев и З.И. Алиева в своем исследовании воспроизводят предание, связанное с данной фамилией. По их словам, «основоположник фамилии Таппасхановых из рода Жабоевых, спасаясь от преследования, столь удачно перемахнул через бурную горную речку, прыгая с камня на камень, что изумил преследователей своей ловкостью. Один из них якобы воскликнул: «Аны ол таб басханына бир къара!» («Смотри, как ловко он ступает!») От этого прозвища образовалась название фамилии» [Алиев; Алиева 2003: 225].

По словам сказительницы С. Ульбашевой, такой же примечательный случай положен в содержательную основу фамилии Уянаевых. По ее словам, в давние времена совершение набегов на соседние племена было обычным делом на Кавказе. Во время такого набега один из балкарских молодчиков похитил грузинского мальчика, спрятав его под своим тулупом. Мальчик спал в дороге. Когда начался камнепад, всадник воскликнул: «Ой, из-за этого шума ребенок может проснуться!» «А давайте мы его назовем «Просыпающийся!» («Уяна»)» – предложил другой путник. Решение было принято» [Ульбашева 2009: 191]. В национальном именнике можно обнаружить еще несколько таких «сюжетных» фамилий, в частности, – Жаубермезлары («не дающие масла»), Къушджетерлары («догоняющие орла»), «Малсүйгенлары» («любящие скот») и др. За каждой такой фамилией кроется определенная история драматического свойства.

На основании изученного материала можно сделать вывод о том, что «паспортная» характеристика карачаево-балкарского народа определяется наличием более семисот фамилий, которые приводятся в заключительной части «Карачаево-балкарско-русского словаря» [Къарачай-малкъар... 1989: 791].

Судя по имеющимся источникам, большая часть карачаево-балкарских фамилий сопровождается пролонгированным драматическим преданием или коротенькой справочкой, уместающейся в простой перевод корневой фамильной основы. Имеется несколько фамилий из разряда «загадочных», ожидающих своего исследования. Судя по преданиям, с лингвистической точки зрения большинство фамилий являются тюркоязычными и легко поддаются расшифровке. По информативно-содержательной части среди карачаево-балкарских родовых знаков доминируют зоонимические, этнонимические и акцидентальные фамилии.

Источники и литература

1. *Абаев М.К.* Балкария. Исторический очерк. Нальчик: Эльбрус, 1992. 40 с.
2. *Алексеева Е.П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1983. 82 с.
3. *Алиев И.И., Алиева З.И.* Карачаево-балкарские имена и фамилии. Толковый словарь. М.: Изд. «Педагогика», 2003. 240 с.
4. *Байсиева М.* Ответ Кязима // Газ. «Горянка», № 26 (1035). Нальчик, 3 июля 2019. С. 11.
5. *Барзбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 2000. 112 с.
6. *Каракетов М.Дж.* От вооруженных столкновений до брачных связей: из жизни северокавказских элит в XVII–XIX вв. // Диаспоры. Независимый научный журнал. М.: ЗАО «Олита», 2004. № 4. С. 105–136.
7. *Къарачай-малкъар тукъумла бла адам атла (Карачаево-балкарские фамилии и собственные имена) // Къарачай-малкъар-орус сѣзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь).* М.: Рус. яз., 1989. 832 с. С. 791–804.
8. *Лайтанов К.Т.* Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. Черкесск: КЧГТИ РЧО, 2000. 80 с.
9. *Малкандуев Х.Х.* Родовые легенды и предания балкарцев Чегемского ущелья. Локальный аспект (Кулиевы, Согаевы, Хахуевы) // Известия КБНЦ РАН. № 3 (83). 2018. С. 87–92.

10. Малкандуев Х.Х. Родовые предания Чегемского общества (Сарбашевы, Акаевы и Аппаевы) // Вестник КБИГИ. 2018. 4 (39). С. 148–154.
11. Мамхегов А. Как встречали Александра III и Марию Федоровну // Газета Юга, № 28 (1319). Нальчик, 18 июля 2019. С. 8.
12. Мусукаев А.И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик: Эльбрус, 1982. 184 с.
13. Мусукаев А.И. Века родословий. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 459 с.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
15. Османов Х.Л. Ёмюрле жолунда (На дорогах века. Очерки). Нальчик: Эльбрус, 2004. 116 с.
16. Османов Х.Л. Тукъум тарыхы – халкъ тарыхы (История рода – история народа) // Минги тау / Эльбрус. Литературно-художественный, общественно-публицистический журнал. № 3. Нальчик: 2008. С. 173–176.
17. Ульбашева С. Ёмюрлени теренинден (Из глубины веков) // Минги тау / Эльбрус. Литературно-художественный, общественно-публицистический журнал. № 5. Нальчик: 2009. С. 190–193.
18. Шогенукова Н.А. Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995. 232 с.

KARACHAY-BALKAR PATRONOMIC TRADITIONS AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian folklore of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

The article explores the informative potential of Karachay-Balkar legends about surnames that can shed light on the little-known pages of regional and world history. Judging by the texts, the surnames belong to different stages in origin and are rooted in different historical eras. The family legends reflect the events and factors associated with the migration of the population, religious beliefs, fosterage, professional and labor preferences of the mountaineers, as well as their ideological features. In a special group the legends of accidental names, recorded as specific incident are highlighted. The article is written based on the works of North Caucasian historians, folklorists, as well as a personal archive on the problem under study.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, family tradition, informative potential, etymology, history, geography, religion, ethnoculture.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-3-42-187-193